

Политическая лингвистика. 2023. № 3 (99).
Political Linguistics. 2023. No 3 (99).

УДК 81'42:81'25
 ББК Ш105-51+Ш118

ГСНТИ 16.21.33; 16.21.65; 16.31.41

Код ВАК 5.9.8; 5.9.6

Саодат Махмаддуловна Тиллоева

Уральский государственный педагогический университет, Екатеринбург, Россия, Saodat9@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-8511-7894>

Слова с эмоциональным значением и их перевод (по материалам текстов экстремистско-террористической направленности)

АННОТАЦИЯ. Целью настоящей работы является выявление способов проявления вербальной и невербальной агрессии для выражения негативных эмоций говорящего, а также достижения деструктивных целей коммуникации. **Актуальность** настоящего исследования обусловлена широким распространением языковой агрессии индивидов в современном обществе, в чем отражается взаимодействие и взаимоотношения людей в различных сферах деятельности; значимостью лексико-семантических, интонационно-смысловых и стилистических способов выражения агрессии в передаче эмоций триады враждебности (гнева, отвращения и презрения), а также реализации соответствующей интенции адресанта; недостаточной изученностью отдельных аспектов семантики единиц языка и речи, функционирующих в качестве средств передачи вербальной агрессии в текстах экстремистско-террористической направленности. **Объектом** исследования является устный, зафиксированный в печатной форме религиозный текст экстремистско-террористической направленности на таджикском и арабском языках. **Предмет исследования** — лексические единицы эмотивной семантики таджикского и арабского языков.

Научная новизна заключается в том, что впервые по материалам аудиозаписей канала «Истину не скрывать», запрещенного на территории Российской Федерации, предпринята попытка комплексного семного описания эмоциональной лексики; осуществлено описание эмоциональной лексики, отражающее реальную представленность значений исследуемой лексики в сознании носителей языка; впервые предложены развернутые и психологически достоверные семные дефиниции лексических единиц эмотивной семантики, не отраженных или недостаточно полно представленных в толковых словарях таджикского и арабского языков. **Практическая значимость работы** состоит в возможности использования ее результатов в различных лингвистических, лексикологических и семасиологических семинарах, при чтении курсов современной лексикологии, написании квалификационных работ, где разрабатываются теоретические, методологические вопросы лексикологии, лексикографии, предметных областей «Теория и практика массовой информации», «Стилистика современных СМИ».

Теоретико-методологической базой исследования явились научные работы отечественных и зарубежных авторов в следующих областях: психология эмоций (П. Экман, К. Э. Изард, Ю. Э. Кравченко, Я. Рейковская); конфликтология (А. Б. Белинская, В. И. Курбатов, Г. И. Козырев, В. А. Светлов); юридическая лингвистика (Ю. М. Антонян, А. Г. Брагина, К. И. Бринев); лингвистическая семантика (Ю. Д. Апресян, С. А. Лишаев, Ю. Н. Караулов, С. Е. Никитина, Д. Лайонз); когнитивная лингвистика (В. А. Маслова, А. П. Чудинов, В. И. Шаховский). В статье были использованы следующие **методы**: контекстуальный анализ, методы корпусной лингвистики: автоматизированное извлечение информации, методы обработки естественного языка, а также методы интен-, контент- и дискурс-анализа.

В результате исследования были сделаны следующие выводы. Слова с эмоциональным значением представляют собой многочисленную и разнообразную группу. Они очень часто трудны для перевода и требуют от переводчика творческого подхода, так как выявление эмоционального значения, его соотносительности с денотативным значением и его интенсификация нередко зависят от контекста.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: политический дискурс, религиозный дискурс, религиозные тексты, терроризм, религиозный экстремизм, экстремистская идеология, экстремистские тексты, таджикский язык, арабский язык, лексические единицы, эмотивная семантика, лексическое значение, эмоциональное значение, денотативное значение, семантическая структура слова, десемантизация, переводоведение, переводы.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Тиллоева Саодат Махмаддуловна, доктор филологических наук, профессор кафедры профессионально-ориентированного языкового образования, Уральский государственный педагогический университет; 620091, Россия, Екатеринбург, пр-т Космонавтов, 26; email: saodat9@mail.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Тиллоева, С. М. Слова с эмоциональным значением и их перевод (по материалам текстов экстремистско-террористической направленности) / С. М. Тиллоева. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2023. — № 3 (99). — С. 173-177.

Saodat M. Tilloeva

Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia, Saodat9@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8511-7894>

Emotive Vocabulary and Its Translation (Based on the Materials of Extremist-Terrorist Texts)

ABSTRACT. The aim of this paper is to identify the ways of manifestation of verbal and nonverbal aggression to express negative emotions of the speaker, as well as to achieve destructive communication goals. The **urgency** of this study can

© Тиллоева С. М., 2023

be associated with the widespread linguistic aggression of individuals in modern society, which reflects the interaction and relationships between people in various spheres of life; with the significance of lexico-semantic, intonational-semantic and stylistic ways of expressing aggression in the transmission of emotions of the triad of hostility (anger, disgust and contempt), as well as with the realization of the appropriate intention of the addressee; with insufficient knowledge about certain aspects of the semantics of language and speech units functioning as means of expressing verbal and nonverbal aggression in extremist-terrorist texts. The **scope** of the study covers oral and printed religious text of extremist-terrorist orientation in Tajik and Arabic. The **object** of the research includes lexical units with emotive semantics of the Tajik and Arabic languages.

The **scientific novelty** lies in the fact that for the first time, based on the materials of audio recordings of the channel “Truth cannot be hidden”, banned on the territory of the Russian Federation, an attempt was made to describe the complex semantic organization of emotional vocabulary; a description of emotional vocabulary was carried out, reflecting the real representation of the meanings of the vocabulary under study in the minds of native speakers; for the first time, detailed and psychologically reliable semantic definitions of lexical units with emotive semantics, not registered or insufficiently represented in the explanatory dictionaries of the Tajik and Arabic languages, were suggested. The **practical significance** of the study consists in the fact that the results of the research can be used in the work of various linguistic, lexicological and semasiological seminars, when reading various courses of modern lexicology, and writing qualification papers, requiring knowledge of theoretical and methodological issues of lexicology, lexicography, theory and practice of mass media, and stylistics of modern media. The research is based on the findings of domestic and foreign authors in the following areas: psychology of emotions (P. Ekman, K. E. Izard, Yu. E. Kravchenko, Ya. Reikovskaya); conflictology (A. B. Belinskaya, V. I. Kurbatov, G. I. Kozirev, V. A. Svetlov); legal linguistics (Yu. M. Antonyan, A. G. Bragina, K. I. Brinev); linguistic semantics (Yu. D. Apresyan, S. A. Lishaev, Yu. N. Karaulov, S. E. Nikitina, D. Lyons); cognitive linguistics (V. A. Maslova, A. P. Chudinov, V. I. Shakhovskiy). The following **methods** were used in the article: contextual analysis, corpus linguistics methods: automated information extraction, natural language processing methods, as well as methods of intent, content and discourse analysis.

The author makes a **conclusion** that the words with emotional meanings represent a large and diversified group. They are very often difficult to translate and at the same time open up great opportunities for the translator, since the identification of emotional meanings, their correlation with denotative meanings and their intensification often depend on the context.

KEYWORDS: political discourse, religious discourse, religious texts, terrorism, religious extremism, extremist ideology, extremist texts, Tajik language, Arabic language, lexical units, emotive semantics, lexical meaning, emotive meaning, denotative meaning, semantic structure of the word, desemantization, translation studies, translations.

AUTHOR'S INFORMATION: Tilloeva Saodat Makhmadkulovna, Doctor of Philology, Professor of Department of Professionally Oriented Language Education, Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia.

FOR CITATION: Tilloeva S. M. (2023). Emotive Vocabulary and Its Translation (Based on the Materials of Extremist-Terrorist Texts). In *Political Linguistics*. No 3 (99), pp. 173-177. (In Russ.).

ВВЕДЕНИЕ

На современном этапе развития лингвистики понятия, отражающие эмоции и чувства человека, в том числе и агрессивные, являются значимыми и очень важными для научного исследования с разных точек зрения. Сравнение возможностей вербальной репрезентации агрессивных понятий таких разных языков, как таджикский, арабский и русский, дает возможность выяснить межъязыковые национальные картины мира, сопоставить их и проследить проявление агрессии — одного из главных видов эмоционального реагирования, структурируемого триадой враждебности (эмоциями гнева, отвращения и презрения), — в языке и речи.

Современное общество характеризуется беспрецедентным ростом уровня агрессии и насилия, что связано с постоянным и непрерывным развитием экономики, результатом которого является усиление конкурентной борьбы во всех сферах жизни и деятельности человека. Агрессия, как один из способов эмоционального реагирования, способствует процессу общения и имеет цель причинить моральный или физический вред, или уничтожить другого человека или предмет. При этом одним из наиболее эффективных средств достижения данной цели

являются вербальные и невербальные средства коммуникации. Агрессия мотивируется эмоциями гнева, отвращения и презрения, которые входят в структуру эмоций триады враждебности [Изард 2011: 63–65], что свидетельствует о непосредственной связи агрессивных проявлений в языке и речи с эмоциональной сферой индивида.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ ИССЛЕДОВАНИЯ

В настоящее время уже не вызывает сомнений тот факт, что в словарном составе каждого языка существует довольно значительная группа слов, имеющих постоянное эмоциональное значение. Однако до сих пор нет единого мнения по поводу того, является ли эмоциональное значение только контекстуальным, как утверждает С. Ульман, или оно существует в слове независимо от контекста. Мы придерживаемся позиции И. Р. Гальперина, который считает, что эмоциональное значение присуще определенной группе слов, обозначающих всевозможные чувства и эмоции [Galperin 1971: 67]. Это слова, которые не указывают на предметы, явления или понятия реальной действительности, а слова, в которых присутствуют сильные эмоциональные коннотации. Таким образом, эмоциональное значение сло-

ва возникает благодаря тем ассоциациям, которое оно вызывает.

Объектом нашего исследования являются слова, которые непосредственно не соотносятся с предметами или явлениями реальной действительности. Они соотносятся только с чувствами или эмоциями, вызываемыми этими явлениями, то есть они выражают отношение человека к данному предмету или явлению. Например, в следующем контексте спикер террористической организации говорит следующее в защиту ИГИЛ (террористическая организация, запрещенная на территории России):

(1) «Аксарияти мусалмонони имруза дар ҷаҳон аз давлати Хилофати Исломи ва татбиқи шарӣати иллоҳӣ **ибрози бегонагӣ ва ваҳшат мекунад**. Ва таъре аксул амал нишон медиҳанд, ки гуё дар аввалин рӯз ҳокимияти Давлати Исломи ва татбиқи шарӣати иллоҳӣ ҳамма мардумро як ба як дар маҳзари ом ҳозир шуда ва яке пас аз дигаре мавриди бараси қарор гирифта ва ба ҳалқаи дор овахта хоҳанд шуд.

У *большинства современных мусульман Исламское государство** и законы шариата **вызывают страх, ужас, боязнь и отчуждение**. Согласно одному из источников, якобы в первые дни правления Исламского государства* много народу было повешено.

В данном контексте прилагательное **бегонагӣ** не имеет значение **отчужденность**, оно соотносится с одним из значений существительного **бегона**: *ғайр, касе, ки хеш ё ошно нест, ношинос* (ФЗТ 1965:168) — **чужой** и обладает сильными эмоциональными коннотациями, которые еще подчеркиваются его предикативной функцией. Это и дает право перевести сочетание **ибрози бегонагӣ мекунад** — у них вызывает отчуждение.

Рассмотрим сочетание *ва ваҳшат мекунад*. Слово **ваҳшат** является эмоционально окрашенной и имеет следующие значения (ФЗТ 1965: 233):

1. *Танҳой, рамандагӣ; рамидан аз омезиш бо одамон, зиндагонии ваҳшиена* — одиночество, жить вдали от людей, дикий образ жизни;

2. *Воҳима, ҳавф, тарс ва бим* — страх, ужас, боязнь;

3. *Муҳолифат, душманӣ, хусумат* — разногласие, противодействие, противоречие.

Следовательно, в этом контексте слово **ваҳшат** переводим как *воҳима, ҳавф, тарс ва бим* — страх, ужас, боязнь.

Наиболее характерной чертой этой группы слов является сложность и широта их семантической структуры. Они обычно имеют много лексико-семантических вариантов, обладают большим количеством оттенков значений, и их семантические границы не

только широки, но и расплывчаты. Благодаря этому у них легко возникают дополнительные контекстуальные значения, поскольку они очень легко сочетаются с самыми разнообразными словами, часто принадлежащими к разным семантическим полям. Многие из них легко десемантизируются.

Рассмотрим еще пример:

(2) *Бархе дигар ҷашмонашон бо сих-ҳои оташин аз косаи сарашон берун **кашида шуда** ва **дастонашон аз банд бурда хоҳад шуд**, ва пуштҳояшон бо тозёнаҳои **кубанда ва дарднок навохта хоҳад шуд**. Гуё дар он рӯз сарбозон ва нерӯҳои Давлати Исломи дар муқобили дарвозаҳои мардум дар камин нишаста ва мутаваҷҷеҳ хоҳанд буд, ки чи касе барои адои намоз ба масҷид намеравад, ва агар чунин фарде ба дасташон биафтад **ба хонаҳояшон ҳуҷум бурда лату кубашон хоҳанд кард**».*

Другим **выкололи глаза** «огненными щипцами» и **вырезали руки**, а на спины наносили удары плетью. Якобы в те дни солдаты и воины Исламского государства* *врывались в дома тех, кто не ходил в мечеть, не читал намаз, и избивали до смерти*.

Наличие эмоционального сознания раздвигает рамки семантической структуры слова. В результате появляются не только новые лексико-семантические варианты, но само слово расширяет свое значение, приближаясь, таким образом, к словам с широкой понятийной основой. Поэтому они легко употребляются в самых различных контекстах, что и определяет их перевод. Иначе говоря, перевод этих слов становится контекстуальным.

В контексте (2) слово **берун** не имеет значение **выколоть**. Таджикско-русский словарь дает следующее значение данной лексической единицы (ТРС 2006: 96): 1. *Внешний вид; внешность, наружность*; 2. *Вне, снаружи, наружу*; 3. *Сверх*; 4. *Внешний, наружный*; 5. *Мужская внешняя половина двора, где принимали гостей*; 6. *Выводить наружу, выйти наружу, уводить, отпустить, выбрасывать*. Сочетание **берун кашида шуда** можно толковать как шестое значение — **выводить наружу**. Следовательно, исходя из контекста, данное сочетание мы переводим, как **выколоть глаза**. Аналогичное наблюдается и при анализе семантической структуры слова **банд**, имеющего следующие значения (ТРС 2006:): 1. *верёвка; шпагат; шнурок*; 2. *узы; оковы; кандалы; цепи*; 3. *звено; сустав, сочленение*; ~и *даст запястье*: ~ҳои *ангушт* *суставы пальцев*; 4. *узел*; 5. *связка, вязанка; пук; сноп*; 6. *стена; преграда; перегорода*; 7. *плотина; дамба; запруда*; 8. *раздел; глава*; 9. 1. *пленник*; 2. *узник; арестант; заключённый*; ~ *кардан*

а) *взять в плен*; б) *арестовать*; ~ *шудан стать заключённым, стать арестантом*. В некоторых диалектах слово **банд** имеет значение **корень**. Исходя из данного значения, сочетание **дастонашон аз банд бурида хоҳад шуд** мы переводим: **руки на корню были вырезаны**.

Слова эмоционального значения, как уже указывалось, обладают очень широким кругом значений, легко поддаются индивидуальному употреблению и часто выражают субъективное отношение автора. В различных контекстах выявляются разные грани или оттенки их значений. Поэтому они легко «приспосабливаются» к любому контексту. Такая их гибкость ведет к известной десемантизации, а переводчику дает возможность прибегать к различным заменам. В некоторых случаях денотативное значение настолько ослаблено, что переводчику приходится ориентироваться только на эмоциональное созначение и передавать его в переводе, подобрав соответствующее контексту денотативное значение.

Например:

(3) *Гуё дар он рӯз муҳоким тафтише ва таҷсисе ақидаи қалбӣ ва даруниқовӣ барпо хоҳад шуд, ва асрори ниҳонӣ ва розҳои даруни синаҳои мардумро берун хоҳанд кашид. Ва аз итминон ва қаноатҳои қалбӣ ва боварҳои ботиниашон парда бардошта хоҳад шуд, гуё Давлати Исломи мардумро аз баландии хо наҳояшон ба поён партофта, ва барои мардуми ом ба хусус занон ва тифлон ҳеҷ раҳме нахоҳад кард.*

Как будто в тот день будет проведена проверка и «проверка сердец», будут выявлены скрытые тайны. И от уверенности, и от удовлетворения, и от их внутренней веры будет снята завеса, как будто Исламское государство сбрасывало людей с высоты и не проявило милосердия к людям, особенно к женщинам и младенцам.*

Роль контекста очень значительна в отношении слов эмоционального значения. В ряде случаев слово, лишённое эмоционального значения, приобретает его именно благодаря контексту. Это в равной степени относится как к словам семантически полными, так и к словам десемантизированным. В нижеследующем примере перенесенный эпитет, к тому же образованный путем конверсии, приобретает яркие эмоциональные коннотации:

(4) *Ва мо аз давлат ва шарӣати Аллоҳи манон сухан мегуем, ки ба адл ва некуӣ ва бахшиш дастур медиҳад:*

إن الله يأمر بالعدل والإحسان وإيتاء ذي القربى و
ينهى عن الفحشاء والمنكر بعظكم لعظكم تذكرون

И мы говорим о государстве и законе Аллаха, который наставляет на соверше-

ния справедливости, добра и прощения: Аллах повелевает справедливости, милосердию и совершению благих деяний и запрещает некоторым из вас непристойности и зло, чтобы вы могли помнить.

Употребление слова **аф** в следующем контексте является типичным образцом так называемого «занижения», то есть сознательным принижением эмоции, характерным для таджикского и арабского языков.

(5) *Мо аз давлат ва шарӣате сухан мегуем, ки фарзандонро бо бархурди некуӣ меҳрубонона ва ниҳоят муҳтарамона бо падар ва модар тавсия намуда ва то ҳаде волидайнро гиромӣ дошта, ки ҳатто гуфтани калимаи “уф” ро дар баробари он ду манъ қарор дода аст. Ва ҳамчунон падар ва модарро низ ба бархурди пур аз муҳаббат ва таъомули дилсузона бо фарзандон супориш намудааст.*

وقضى ربك إلا إياه وبالوالدين إحسانا إما يبلغن عندك الكبر
أحدهما أو كلاهما فلا تقل لهما أف و لا تنهرهما و قل لهما قولا
كريمًا

Мы говорим о государстве и шариате, которые с любовью относятся к отцу и матери и так высоко чтят родителей, что им запрещено даже говорить слово “уф”. И (также) Он [Аллах] повелел отцу и матери (вместе) относиться (наслаждаться) с любовью и состраданием к своим детям.

ВЫВОДЫ

Особенностью исследованных текстов является определенное иллокутивное намерение — оскорбить собеседника, употребив при этом эмоционально окрашенное слово или выражение с целью достижения перлокутивного эффекта. Большее количество негативных человеческих характеристик в проанализированных текстах выражает эмоцию гнева в её различных инвариантах.

Человек, являясь объектом исследования многих наук, всё чаще попадает в фокус исследований лингвистики. Это обстоятельство детерминировано тем фактом, что ориентация на переход от позитивного знания к глубинному на путях целостного синтетического постижения языка как антропологического феномена является характерной чертой науки о языке конца XX и начала XXI веков.

На уровне исследования лексиконов различных языков в широком лингвокультурном контексте это находит свое выражение в изучении лексики национальных языков в рамках антропологической парадигмы.

Вся негативно-эмотивная лексика, характеризующая человека, представлена как отдельными лексическими единицами (существительными, прилагательными, причас-

тиями, глаголами), так и свободными и устойчивыми словосочетаниями.

Для человека важную роль в жизни играют эмоции. Все речевые акты так или иначе эмоционально окрашены, и лексикон любого языка эмотивен. Нейтральной, без каких-либо дополнительных стилистических коннотаций эмотивного плана лексики в языке существует лишь небольшое количество.

ПРИМЕЧАНИЕ

* Террористическая организация, запрещена в РФ.

ИСТОЧНИКИ

1. URL: <http://sudast.ru> (дата обращения: 20.05.2021). — Текст: электронный.
2. URL: <http://hadis.info/xadis-o-malom-i-bolshom-dzhixade/19920/> (дата обращения: 12.03.2021). — Текст: электронный.
3. Словарь таджикского языка : в 2 т. — Москва : Советская энциклопедия, 1969. — Текст : непосредственный.
4. Таджикско-русский словарь. — Душанбе : [б. и.], 2006. — 783 с. — Текст : непосредственный.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Антонян, Ю. М. Экстремизм и его причины / Ю. М. Антонян. — Москва : Логос, 2013. — 310 с. — Текст : непосредственный.
2. Аспекты семантического изучения германских и романских языков : межвуз. сб. науч. тр. — Воронеж : Изд-во Воронежского университета, 1983. — 204 с. — Текст : непосредственный.
3. Изард, К. Э. Психология эмоций / К. Э. Изард. — Санкт-Петербург : Питер, 2011. — 460 с. — Текст : непосредственный.
4. Ищенко, Е. П. Виртуальное пространство как объект криминалистического познания / Е. П. Ищенко. — Текст : непосредственный // Криминалистика и судебно-экспертная деятельность в условиях современности : материалы Междунар. науч. конф. : в 2 т. / Краснодарский университет МВД России. — Краснодар : [б. и.], 2013. — С. 16–23.
5. Коммуникативные аспекты значения : межвуз. сб. науч. работ. — Волгоград : ВГПИ, 1990. — 175 с. — Текст : непосредственный.
6. Кубрякова, Е. С. Типы языковых значений. Семантика производного слова / Е. С. Кубрякова. — Москва : Наука, 1981. — 198 с. — Текст : непосредственный.
7. Липатова, Ж. Н. Экспертиза материалов экстремистской направленности: юридический аспект, в свете деятельности следователя / Ж. Н. Липатова. — Текст : непосредственный // Теория и практика судебной экспертизы. — 2014. — № 4 (36). — С. 31.
8. Приходько, В. К. Экспрессивно-эмоциональная диалектная лексика Приамурья / В. К. Приходько. — Текст : непосредственный // Русский язык в школе. — 2013. — № 7. — С. 84–87.
9. Семантическое взаимодействие языковых единиц различных уровней : межвуз. сб. науч. тр. — Ленинград : ЛГПИ, 1985. — 166 с. — Текст : непосредственный.
10. Семантика и типология разносистемных языков : сб. науч. тр. — Ташкент : Ташкентский государственный университет, 1984. — 164 с. — Текст : непосредственный.
11. Современные проблемы романистики: функциональная семантика : Тез. V Всесоюз. конф. по роман. языкознанию : в 2 т. — Калинин : КГУ, 1986. — 208 с. — Текст : непосредственный.
12. Трофимова, Е. А. От социального противоречия к социальному конфликту: онтологические и гносеологические аспекты / Е. А. Трофимова. — Текст : непосредственный // Исторические, философские, политические и юридические науки. Вопросы теории и практики. — Тамбов : Грамота, 2011. — № 5 (11). — С. 201–205.

13. Чудинов, А. П. Финансовая метафора в политической речи / А. П. Чудинов. — Текст : непосредственный // Русская речь. — 2003. — N 4. — С. 51–55.

14. Экман, П. Психология эмоций / П. Экман. — Санкт-Петербург : Питер, 2014. — 239 с. — Текст : непосредственный.

15. Galperin, I. R. Stylistics / I. R. Galperin. — Moscow : Higher School Publishing House, 1971. — 123 p. — Text : unmediated.

MATERIALS

1. *Sudast.ru* (n.d.). Retrieved May 20, 2021, from <http://sudast.ru>
2. *Hadis.info* (n.d.). Retrieved March 12, 2023, from <http://hadis.info/xadis-o-malom-i-bolshom-dzhixade/19920/>
3. *Slovar' tadzhikskogo jazyka* [Dictionary of the Tajik language] (1969). In 2 volumes. Moscow: Sovetskaja jenciklopedija, 1969. (In Tajik)
4. *Tadzhiksko-russkij slovar'* [Tajik-Russian dictionary] (2006). Dushanbe, 783 p.

REFERENCES

1. Antonjan, Ju. M. (2013). *Jekstremizm i ego prichiny* [Extremism and its causes]. Moscow: Logos, 310 p. (In Russ.)
2. *Aspekty semanticheskogo izucheniya germanskix i roman-skich jazykov : mezhvuz. sb. nauch. tr.* [Aspects of semantic study of Germanic and Romance languages: inter-university collection of scientific] (1983). Voronezh: Izdatel'stvo Voronezhskogo universiteta, 204 p. (In Russ.)
3. Izard, K. Je. (2011). *Psixologija jemocij* [Psychology of emotions]. St. Petersburg: Piter, 460 p. (In Russ.)
4. Ishhenko, E.P. (2013). Virtual'noe prostranstvo kak ob'ekt kriminalisticheskogo poznaniya. In *Kriminalistika i sudebno-jekspertnaja dejatel'nost' v uslovijah sovremennosti: materialy mezhdunar* [Virtual space as an object of forensic cognition] (Scientific conf., in 2 vols., pp. 16–23). Krasnodar: Krasnodarskij universitet MVD Rossii. (In Russ.)
5. *Kommunikativnye aspekty znachenija: mezhvuz. sb. nauch. rabot* [Communicative aspects of meaning] (1990). Volgograd: VGPI, 175 p. (In Russ.)
6. Kubryakova, E. S. (1981). *Tipy jazykovyx znachenij. Semantika proizvodnogo slova* [Types of linguistic meanings]. Moskva: Nauka, 198 p. (In Russ.)
7. Lipatova, Zh. N. (2014). Jekspertiza materialov jekstremist-skoj napravlenosti: juridicheskij aspekt, v svete dejatel'nosti sledovatelja. *Teorija i praktika sudebnoj jekspertizy* [Examination of extremist materials: legal aspect, in the light of the investigator's activities], 4(36), 31. (In Russ.)
8. Prihod'ko, V. K. (2013). Jekspressivno-jemocional'naja dialekt-naja leksika Priamur'ja [Expressive and emotional dialect vocabulary of the Amur region]. *Russkij jazyk v shkole*, 7, 84–87. (In Russ.)
9. *Semanticheskoe vzaimodejstvie jazykovyx edinic razlichnyx urovnej* [Semantic interaction of linguistic units of different levels] (1985). Mezhvuz. sb. nauch. tr. Leningrad: LGPI, 166 p. (In Russ.)
10. *Semantika i tipologija raznosistemnyx jazykov* [Semantics and typology of multi-system languages]: sb. nauch. tr. (1984). Tashkent: Tashkentskij gosudarstvennyj universitet, 164 p. (In Tajik)
11. *Sovremennye problemy romanistiki: funkcional'naja semantika* [Modern problems of Romanistics: functional semantics] (1986). Tez. V Vsesojuz. konf. po roman. jazykoznaniju: V 2 t. Kalinin: KGU, 208 p. (In Russ.)
12. Trofimova, E.A. (2011). Ot social'nogo protivorechija k social'nomu konfliktu: ontologicheskie i gnoseologicheskie aspekty. In *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i juridicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [From social contradiction to social conflict: ontological and epistemological aspects] (Iss. 5(11), pp. 201–205). Tambov: Gramota. (In Russ.)
13. Chudinov, A. P. (2003). Finansovaja metafora v politicheskoj rechi [Financial metaphor in political speech]. *Russkaja rech'*, 4, 51–55. (In Russ.)
14. Jekman, P. (2014). *Psixologija jemocij* [Psychology of emotions]. St. Petersburg: Piter, 239 p. (In Russ.)
15. Galperin, I.R. (1971). *Stylistics*. Moscow: Higher School Publishing House, 123p. (In English)